

Императорский указ о союзе прибыл в поместье герцога Хань ещё до возвращения Хан Сиэня.

И пусть союзом связывали Хан Цинсюэ, для всего семейства Хань это событие должно было стать радостной вестью. Однако стоило дворцовому евнуху начать читать указ, как сердце Хан Чжо тревожно забилось, а душу заволокло мрачным предчувствием.

Императорская воля была изложена на удивление кратко: Хан Цинсюэ, законная старшая дочь пятирангового секретаря Министерства строительных работ Хан Шу, признавалась девой благонравной, кроткой и на редкость благообразной. Вдовствующая императрица и Его Величество, усладив свой слух сими вестями, высочайше благоволили даровать её в жёны пятому принцу Цзи Хуаю.

Именно это обращение и заставило Хан Чжо похолодеть: в свитке значилось «старшая дочь пятирангового секретаря Хан Шу», а вовсе не «старшая дочь из благородного дома герцога Хань».

Пока здравствовала старая госпожа Хань, семейство жило неделимо, а потому и порядок старшинства среди молодёжи вели общий — для всего мира они оставались единым кланом.

По укоренившемуся обычаю, при высочайшем благословении невестку из столь знатного рода следовало именовать именно дочерью герцогского дома. Так делалось ради того, чтобы уберечь будущую княгиню от косых взглядов и презрения придворных снобов, ведь её родной отец занимал слишком скромный пост.

Однако сухие строки указа недвусмысленно выдавали глухое, граничащее с намеренным пренебрежением раздражение государя. Было ясно, что император этой свадьбе вовсе не рад.

Хан Чжо нутром чуял: перемена в настроении монарха напрямую связана с недавним визитом Хан Сиэня в императорские покои. Дождавшись, когда глашатай свернёт шёлк, он выразительно посмотрел на Хан Шу, безмолвно призывая того расспросить посланника. Но младший брат, обыкновенно трепетавший перед главой рода, сейчас, подобно всем домочадцам второй ветви, пребывал в сладком оцепенении от обрушившегося на них счастья.

Едва Хан Цинсюэ поднялась с колен, госпожа Чжан мёртвой хваткой вцепилась в ладонь дочери. Губы её дрожали в счастливой улыбке, а на глаза наворачивались слёзы — заветная мечта всей её жизни наконец-то исполнилась.

Не боясь она нарушить приличия, непременно схватила бы посланника за полы халата, умоляя подтвердить, что всё это происходит наяву, а не в сладком сне.

Разум Хан Шу окончательно затмило ликование. Он расплылся в такой широкой улыбке, что

глаза его превратились в едва заметные щёлочки. Одна лишь мысль о том, что отныне он — тесть многообещающего принца, заставляла его грудь раздуваться от гордости.

Впервые за долгие годы Хан Шу, забыв о приличиях, опередил старшего брата. Он торопливо шагнул навстречу дворцовому слуге, рассыпаясь в любезностях. Евнух, на удивление почтительный, расплылся в улыбке:

— Низжайше поздравляю вас, господин Хань. О лучшем союзе и просить нельзя, ведь пятый принц лично молил Его Величество о руке вашей дочери.

Хан Шу порывисто пожал ему руки, без умолку благодаря. Наблюдая за непривычной учтивостью столичного гостя, он испытывал целую бурю чувств, среди которых ярче всего пылал чистый восторг. Впервые с тех пор, как он надел чиновничье платье, кто-то выказывал ему столь глубокое почтение.

Прежде вельможи тоже обходились с ним ласково, но Хан Шу прекрасно знал цену этой вежливости — всё это делалось ради его старшего брата. Стоило герцогу Хань появиться в собрании, как взоры окружающих устремлялись лишь на него одного, а скромного пятирангового секретаря попросту не замечали.

Его не стремились обидеть, но и говорить с ним на равных никто не собирался.

Дворцовые слуги испокон веков вились у ног могущественного Хан Чжо — до младшего брата им дела не было. Ныне же Хан Шу воочию узрел, как меняется отношение к его собственной персоне. И пусть он старался держаться в рамках приличий, во всей его осанке проступила небывалая спесь. Будь у него хвост, он бы непременно задрал его повыше и победно залаял от гордости.

Игнорируя присутствие старшего брата, Хан Шу самолично всучил евнуху увесистый кошель с серебром и вызвался проводить его до ворот. Тот, будучи человеком опытным, не стал пренебрегать и герцогом, вежливо попрощавшись с Хан Чжо перед уходом.

Хан Чжо с глубоким разочарованием наблюдал за суетой брата, но счёл за благо смолчать. Стоило дверям за гостем закрыться, как вернувшийся Хан Шу с гордой улыбкой воскликнул, глядя на Хан Цинсюэ:

— Ну, доченька, вот и настал твой звёздный час!

«Дурак», — мысленно припечатал брата Хан Чжо.

— Дурак, — раздалось во всеуслышание.

Хан Чжо на миг показалось, что он произнёс это вслух, но нет — голос принадлежал старой госпоже Хань.

Старая госпожа гневно зыркнула на сына и с силой стукнула тяжелым оловянным посохом о каменные плиты. Глядя на эту неотёсанную глыбу, которую никак не удавалось облагородить, она властно распорядилась:

— Остальным разойтись. Слугам в честь праздника выдать награду в размере трёхмесячного жалованья. А ты, — она указала пальцем на Хан Шу, — вместе с братом ступай ко мне в покои.

Хан Шу лишь растерянно моргнул, а вот Хан Цинсюэ бросила на бабушку пронизательный взгляд. Мысли её лихорадочно заработали. Возможно, помолвка с Цзи Хуаем и натолкнулась на какие-то препятствия, но раз уж указ оглашён, слово императора — закон. Обратного пути нет. Она не страшилась отмены свадьбы, но её терзал вопрос: зачем старой госпоже понадобилось срочно звать к себе её отца?

Когда братья переступили порог Дворика Вутонов, старая госпожа Хань уже восседала в мягком кресле. Не успели они поклониться, как она обрушила на младшего сына поток яростных упрёков.

Хан Шу совершенно не понимал причин её гнева. Стоило матери умолкнуть, чтобы перевести дух, как он с обидой забормотал:

— Матушка, помилуйте, в доме такой великий праздник! Зачем вы так с порога?

— Праздник? — грудь старой госпожи тяжело вздымалась. — Какая ещё, к демонам, радость?

Хан Шу, задетый за живое, недовольно повысил голос:

— Матушка, неужели брак Цинсюэ и пятого принца в ваших глазах ничего не стоит? Я знаю, что вы всегда выделяли старшего брата, но сейчас ваши слова звучат оскорбительно!

Наблюдая за тупым самодовольством младшего сына, неспособного заглянуть дальше собственного носа, старая госпожа Хань испытала жестокую смесь ярости и бессилия. Прижав ладонь к разболевшемуся лбу, она резко оборвала его стенания:

— А теперь ответь мне прямо, глупец: для пятого принца взять в жёны дочь из герцогского дома или дочь мелкого пятирангового секретаря — это одно и то же?

Пусть речь шла об одной и той же девушке, разница была колоссальной. Одно дело для Добродетельной наложницы Хан Юнь — женить сына на представительнице могущественного герцогского клана, и совсем другое — породниться с мелким чиновником. Прежде, пока Хан Сизнь не начал крушить семейные планы, под сенью власти старой госпожи различиями в статусе пренебрегали. Теперь же всё изменилось.

Хан Шу не был совсем уж обделён умом. Вопрос матери заставил его внутренне содрогнуться.

Вспомнив в деталях текст указа, он встревоженно уставился на старую госпожу:

— Матушка, верно, вы накручиваете себя. Евнух ведь прямо сказал, что принц сам вымолил этот союз у императора, а государь милостиво внял просьбам. С чего бы Его Величеству гневаться?

Но едва эти слова сорвались с его губ, как он и сам запнулся:

— Постойте... Но почему указ просил сам пятый принц, а не его матушка, Добродетельная наложница?

Старая госпожа не могла ответить на этот вопрос. Услышав о настойчивом личном прошении пятого принца, она помрачнела. Если государь намеренно выставил напоказ рвение Цзи Хуая, этот брак неизбежно обрastёт грязными слухами и сплетнями в столице.

Догадка за догадкой вели её мысли к дочери, Добродетельной наложнице Хан Юнь. Судя по всему, та была категорически против этой женитьбы, что и вынудило Цзи Хуая действовать в обход матери.

И всё же старая госпожа никак не могла взять в толк, отчего император столь явно пренебрёт достоинством герцогского дома. Перебирая в уме возможные причины, она неизбежно возвращалась к мысли о Хан Сиэне. Наверняка этот паршивец успел оклеветать их перед государем, разгневав Его Величество и заставив его столь жестоко уязвить Добродетельную наложницу и её сына.

Ей, разумеется, и в страшном сне не могло привидеться, что Хан Сиэнь попросту выложил перед государем всю подноготную их семейства.

То, о чём размышляла старая госпожа, Хан Чжо уже давно взвесил сам. Понимая, что проку от расспросов будет немного, он всё же негромко обронил, что попытается выведать подробности у самого Хан Сиэня.

Стоило Хан Шу услышать имя ненавистного племянника, как в его груди закипела глухая злость на старшего брата. Он искренне полагал: не будь герцог Хань столь нерешительным слабаком, годами разыгрывающим роль любящего отца вместо того, чтобы раз и навсегда прихлопнуть гадёныша, их клан никогда бы не оказался в столь позорном положении.

По тому, как забегали глаза младшего брата, Хан Чжо без труда прочитал его мысли.

Хан Чжо окинул брата ледяным взглядом. Власть и близость к ней неизбежно обнажают самые гнусные помыслы человека. Хан Шу не стал исключением: слишком долго он прозябал в тени старшего брата, подавляя свои амбиции. Стоило его ветви получить выгодное родство с императорской семьёй, как его спесь полезла наружу. Такое мелочное тщеславие вызывало лишь брезгливость.

Старая госпожа Хань не ведала о мыслях герцога, но спесь младшего сына видела отчётливо. На неё накатила внезапная усталость. Хан Шу ведь не знал о тех тёмных делах, что они годами замыслили вместе с Хан Чжо. К тому же её терзали сомнения: как Добродетельная наложница Хан Юнь примет невестку, навязанную сыном в обход её воли? Не затаит ли она обиду на Хан Цинсюэ, сочтя ту расчётливой интриганкой?

Но прежде всего следовало сбить спесь с глупого Хан Шу, пока он по недомыслию не разгневал государя ещё пуще. Всё прочее, по твёрдому убеждению старой госпожи, ещё можно было исправить.

Она сурово уставилась на младшего сына:

— В ближайшие дни води себя на службе тише воды, ниже травы. Не смей важничать. Стоит тебе оступиться и дать врагам зацепку — и никто в этом доме пальцем не пошевелит, чтобы тебя спасти.

Почтительный страх перед матерью ещё не угас в душе Хан Шу, а потому он поспешно склонил голову в знак согласия.

Повернувшись к Хан Чжо, старая госпожа смягчила тон:

— Что до Добродетельной наложницы... выкрой время, чтобы навестить её во дворце и выведать, как государь смотрит на это дело.

Ей хотелось спросить об отношении самой Хан Юнь, но в присутствии младшего сына приходилось изъясняться туманно. Хан Чжо всё понял без лишних слов: матушка опасалась излишнего любопытства со стороны брата.

Меньше всего на свете герцог желал сейчас семейных распрей, а потому послушно склонил голову:

— Завтра же пошлю весть во дворец.

Старая госпожа прикрыла глаза, чувствуя, как силы покидают её:

— Ступайте оба. И велите домашним прикусить языки. Сейчас не время для пустой болтовни, не хватало ещё стать посмешищем для всей столицы.

Втайне она изнывала от тревоги, опасаясь, как бы вспыльчивая Хан Юнь не наделала глупостей сгоряча. Но строить планы можно было лишь после того, как прояснится обстановка во дворце.

Братья пробормотали несколько дежурных слов утешения и поспешили откланяться.

Покинув Дворика Вутонов, братья шли бок о бок, не проронив ни слова, пока их пути не

разошлись. Вернувшись в свои покои, Хан Шу долго размышлял над словами матери и в конце концов решил обсудить их с госпожой Чжан.

Едва он приблизился к дверям супруги, как до его слуха донёлся надрывный плач и полные горечи слова госпожи Чжан:

— Если старая госпожа действительно так несправедная к нам, бедная моя девочка натерпелась бы лиха... Хорошо хоть теперь нам нечего бояться.

Стоявшая на пороге служанка при виде хозяина открыла было рот, чтобы возвестить о его прибытии, но Хан Шу предостерегающе зыркнул на неё и решительно толкнул дверь.

В покоях, обнявшись, горько плакали госпожа Чжан и Хан Цинсюэ. Увидев вошедшего главу семейства, обе осеклись и поспешно вытерли слёзы. Хан Шу опустился на стул и недовольно нахмурился:

— О чём вы здесь толкуете? К чему эти причитания в такой день?

Хан Шу хоть и не отличался особым умом, но сыновний долг чтит свято. Намёки супруги на предвзятость старой госпожи Хань пришлись ему не по нраву.

Госпожа Чжан знала мужа как никто другой. Заметив тень гнева на его лице, она испугалась и попыталась было перевести разговор на иное, но Хан Цинсюэ опередила её. Опустившись перед отцом на колени, она прерывистым от слёз голосом воскликнула:

— Отец, во всём виновата я! Но на душе у меня так холодно... Вы годами не щадили себя ради блага этого дома, а дядя и бабушка втайне противились моему союзу с пятым принцем! Это чистая правда!

— Что за вздор ты несёшь?! — Хан Шу аж подскочил на месте. Лицо его пошло пунцовыми пятнами, он ткнул пальцем в дочь: — Едва получила императорский указ, как уже возгордилась и смеешь клеветать на собственную бабушку?! Забыла, кто тебя растил и ум-разуму учил? С такой чёрной неблагодарностью в душе ты никогда не станешь достойной супругой принца!

Слова отца прозвучали слишком жестоко. Хан Цинсюэ разрыдалась пуще прежнего. Госпожа Чжан опустилась на колени подле дочери и, подняв на мужа полные слёз глаза, взмолилась:

— Помилуйте, супруг мой! Правда то или ложь, но вы хотя бы выслушайте дитя, прежде чем сыпать обвинениями!

Сквозь рыдания Хан Цинсюэ поведала ему обо всём: и о том, как в памятный день Хан Минчжу коварно столкнула её в воду, и о том, как Хэ Юйчжу якобы бросилась её спасать, после чего обеих вытащил пятый принц. Рассказала она и о той холодной отстранённости, с которой в последнее время к ней относились Хан Чжо и старая госпожа.

— Отец, я говорю это не из пустой вредности, — закончила Хан Цинсюэ. — Ныне Наследник в великом фаворе у государя, и то, что дядя с бабушкой пекутся лишь о его выгоде — дело житейское. Но если бы они потихоньку расстроили мой брак и отдали его другой, как бы вы после этого смотрели в глаза честному люду? Как бы наша ветвь выживала в этом доме? Да мне бы тогда осталось только в петлю полезть от позора!

Госпожа Чжан, чутко ловя малейшие изменения в лице мужа, горестно запричитала:

— День рождения матушки давно миновал, а золовка всё сидит в столице и в своё Цинчжоу возвращаться не думает! Где это видано, чтобы замужняя дама так долго гостила у родни? Да на место в усадьбе пятого принца у нас тут полдома зубы точит! Все только и думают, как бы напакостить нашей девочке. Вы привыкли во всём беспрекословно слушаться старшего брата и матушку, но неужели у вас самих душа ни разу не разболелась от подозрений?

Хан Шу порывался разразиться гневной тирадой в защиту родни, но внезапно осёкся. В памяти всплыли недомолвки старшего брата, странная реакция матери и все те туманные, натянутые речи, что велись в Дворике Вутонов. Червь сомнения зашевелился в его душе: неужели мать и брат действительно ни капли не рады счастьем его дочери?

С Хан Чжо они были плоть от плоти и много лет вместе служили при дворе. Хан Шу как никто другой знал, что ради собственной выгоды старший брат перешагнёт через любого. К тому же Хан Сиэнь в последнее время обрёл такую силу при дворе, что с ним приходилось считаться.

Стоит зерну сомнения упасть в благодатную почву, как любая случайная мелочь способна раздуть из него пожар. Чем дольше Хан Шу размышлял, тем более зловещими казались ему недомолвки родных. Он смолчал, но в его сердце пустило глубокие корни недоверие к брату и старой госпоже.

Стоявшие на коленях госпожа Чжан и Хан Цинсюэ обменялись быстрыми, едва заметными взглядами и тут же скромно потупились.

После долгого, тягостного молчания Хан Шу наконец заговорил, и голос его звучал непривычно сурово:

— Чтобы я больше этих бредней без доказательств не слышал. Отныне ты — наречённая невеста принца, так веди себя достойно своего нового сана и не разменивайся на глупые бабьи склоки. К бабушке проявляй прежнее почтение, дабы никто во дворце не посмел обвинить тебя в гордыне и спеси. Обо всём прочем забудь. Ныне нет в поднебесной силы, способной встать на пути твоего величия.

Хан Цинсюэ покорно склонила голову:

— Дочь всё поняла, отец. Я осмелилась высказать эти опасения лишь перед вами с матушкой, пред чужими ушами я и рта не раскрою.

Хан Шу лишь коротко хмыкнул и прикрыл глаза, погрузившись в молчание. Его реакция

наполнила сердце Хан Цинсюэ тихим ликованием. Она прекрасно знала: в глубине души отец превыше всего ставил её блестящее будущее.

На следующее же утро после объявления императорской воли молодая барышня кузина Хэ Юйчжу слегла с жесточайшей простудой. Жар терзал её тело столь немилосердно, что бедняжка бредила, не узнавая домашних.

Вторая тётушка Хан Сю со слезами на глазах бросилась в ноги к старой госпоже Хань. Заручившись её запиской, она спешно вызвала в поместье придворного лекаря. Осмотрев больную, тот вынес вердикт: девица пережила сильное потрясение, а вовремя не вылеченный озноб перерос в тяжёлый недуг.

Вняв горьким намёкам дочери, старая госпожа вспомнила, что в последнее время Хэ Юйчжу под строгим надзором матери вела себя на редкость тихо и скромно. Старуха решила, что несчастная девочка попросту побоялась прослыть изнеженной капризницей и до последнего терпела жар, не смея пожаловаться на недуг.

Сердце старой госпожи разрывалось от жалости. Утирая слёзы, она велела немедленно собрать снадобья по рецепту лекаря и во всеуслышание объявила: любого слугу, который посмеет распускать грязные сплетни о кузине, незамедлительно выпороть и продать на сторону.

Проведав о болезни племянницы, Хан Шу во время утреннего поклона матери вскользь заметил, что бедняжке Хэ Юйчжу в столице не везёт на каждом шагу — верно, местный воздух ей не мил. А коли так, не лучше ли отправить её на лечение обратно в благодатное Цинчжоу?

Не успел он договорить, как Хан Сю с громким плачем рухнула в ноги к матери, причитая, что немедленно заберёт больную дочь и уедет прочь. В её притворных стенаниях сквозила лютая обида: мол, второй брат, едва дождавшись милости для своей дочери, тут же возгордился и начал брезговать бедной роднёй. Наверняка он боится, что прошлая немилость императрицы к сестре бросит тень на его новообретённое величие!

В следующее мгновение прямо в лоб Хан Шу полетела тяжелая фарфоровая чашка старой госпожи, сопровождаемая громоподобным:

— Пошёл вон!

Обтекая тёплым чаем и отряхивая с лица мокрые листья, Хан Шу в ярости покинул покои. Но этот безобразный скандал лишь укрепил в его душе веру в слова дочери.

Хан Цинсюэ же, напротив, проявила верх дочерней почтительности: принялась нежно ворковать, утешая разволновавшуюся старуху, и даже сама предложила созвать сестёр, дабы вместе навестить больную кузину. Старая госпожа, не ведая, какая глубокая пропасть

пролегла ныне между ней и внучкой, растроганно гладила её по рукам и ласково хвалила за доброе сердце.

Покинув Дворик Вутонов, Хан Цинсюэ, Хан Минчжу и прочие барышни отправились к больной. Однако кузина к тому времени уже приняла снадобье и забылась глубоким сном.

Хан Цинсюэ с приторно-сладкой улыбкой обратилась к стоявшей у постели служанке:

— Ах, какая досада. Что ж, раз кузина почивает, тревожить её мы не станем. Как проснётся, передай ей, что мы всем девичьим кругом навещали её и непременно зайдём в другой день.

Служанка послушно склонилась, и барышни покинули душные покои. Когда они вышли в сад и приготовились разойтись по своим дворикам, Хан Цинсюэ внезапно удержала Хан Минчжу за рукав:

— Четвёртая сестрица, в персиковом саду сегодня на редкость благостно. Не желаешь прогуляться со мной под сенью цветов?

Хан Цинюань, законная дочь из третьей ветви, заметив этот маневр, презрительно хмыкнула:

— Раз уж старшая сестра обделила меня своим приглашением, мешать вам я не стану.

И, даже не взглянув на искажившееся лицо кузины, она развернулась на каблуках и зашагала прочь.

Лицо Хан Цинсюэ на мгновение потемнело от досады, но она быстро вернула себе самообладание и с натянутой улыбкой спросила по-прежнему спокойную Хан Минчжу:

— Так каков будет твой ответ, четвёртая сестрица?

Хан Минчжу вскинула на неё ясные, лучистые глаза. Её благородное, безупречно красивое лицо оставалось бесстрастным. Она спокойно молвила:

— Отчего же нет. Изволь.

Они неспешно зашагали по тропинке, усыпанной лепестками, а служанки послушно следовали за ними в отдалении. Хан Цинсюэ кокетливым жестом поправила выбившуюся прядь у виска и негромко рассмеялась:

— То, что государь даровал мне столь завидного супруга — во многом твоя заслуга, Минчжу. Благодарю за помощь.

Хан Минчжу отозвалась прохладно:

— Слова твои туманны, старшая сестра. Моей заслуги тут нет и в помине, всё это — лишь предначертанная тебе судьба.

— И всё же мне не даёт покоя один вопрос: зачем ты это сделала? — не унималась Хан Цинсюэ, проигнорировав её холодность. — Неужели прослышала о чём-то эдаком и решила сжалиться над бедной сестрицей?

На этих словах Хан Минчжу резко остановилась. Хан Цинсюэ мысленно восторжествовала, но стоило ей обернуться, как она наткнулась на пронизательный, едва насмешливый взгляд кузины. Ясные глаза Хан Минчжу словно видели её душу насквозь, обнажая все мелкие страхи. Почувствовав укол стыда, Хан Цинсюэ торопливо отвела взор в сторону.

Проследив за её движением, Хан Минчжу негромко обронила:

— Старшая сестра, твои речи лишены смысла. Верно, пережитое в пруду потрясение затуманило твой разум, раз тебе до сих пор мерещится, будто это я столкнула тебя в воду. Мне не ведомы тайны двора, да и в твоих намёках я не вижу прока.

Хан Цинсюэ поджала губы, и в её голосе зазвучали властные нотки:

— Раз отпираешься — воля твоя. Мне лишь непонятно: коли уж решилась на такое дело, зачем было мешать туда посторонних? Твои козни всегда отличались изяществом, а тут ты устроила какой-то балаган. Но помни: скоро я стану княгиней. И когда мы встретимся вновь, наши статусы будут разниться как небо и земля. Тебе волей-неволей придётся склонять передо мной голову и подносить чай.

Не успела Хан Минчжу разомкнуть губы, как из глубины цветущего сада донеслось презрительное фырканье. Смешок прозвучал столь глумливо, что лицо Хан Цинсюэ мгновенно залилось краской стыда.

Хан Минчжу обернулась и увидела, как, неспешно раздвигая ветви, из-за раскидистого персикового дерева выходит юноша. То был не кто иной, как Хан Сиэнь. Следом за ним, втянув голову в плечи, семенил Ань Цао с таким видом, точно он напрочь лишился слуха ещё в младенчестве.

В отличие от невозмутимой Хан Минчжу, Хан Цинсюэ при виде двоюродного брата испытала неподдельный страх. Её дежурная улыбка мгновенно превратилась в судорожную гримасу, а недавнее бахвальство показалось верхом глупости. Она ощущала себя жалкой и застигнутой врасплох. Во всем поместье Хан Сиэнь слыл человеком пугающим и непредсказуемым: на общественное мнение ему было плевать, а поступал он исключительно так, как велела его левая нога.

Пожалуй, единственной душой во всём герцогском доме, на которую он удосуживался бросить хотя бы мимолётный взор, оставалась Хан Минчжу.

Страх Хан Цинсюэ перед Наследником имел под собой веские основания: она своими глазами видела, как этот безумец хладнокровно переломал запястья Хэ Юйчжу тяжелой палкой, ни капли не заботясь ни о девичьей немощи, ни о родстве. Хан Цинсюэ не питала иллюзий насчёт собственной значимости в его глазах и всерьёз опасалась, что вспыльчивый кузен может

лишить рук и её саму.

Юноша неторопливо подошёл к ним и замер. Хан Минчжу негромко поприветствовала его, но он проигнорировал её, даже не повернув головы. Лениво окинув взглядом буйство розовых лепестков, он перевёл ледяной взор на бледную Хан Цинсюэ. Его тонкие губы изогнулись в презрительной усмешке, а голос зазвучал вкрадчиво и опасно:

— Знаешь ли ты, глупая дева, что в подлунном мире ничто не предрешиено, пока крышка твоего гроба не захлопнется окончательно? Императорское благословение — указ весомый, спору нет. Но девице, пока она не переступила порог княжеских покоев в качестве законной супруги, не стоит звенеть своими дешёвыми угрозами. Ведь если твоим мечтам не суждено сбыться, ты навеки останешься лишь жалким посмешищем. Помни: волею государя рушатся троны и лишаются сана даже законные императрицы. Что для него стоит растоптать жизнь какой-то там жалкой невесты мелкого принца?

Небрежно бросив эти слова, он двинулся дальше по тропе. Осадил он Хан Цинсюэ вовсе не из желания защитить младшую сестру — просто с самого утра его душевное состояние оставляло желать лучшего. Ему всего лишь захотелось насладиться редким погожим днём и развеяться среди цветущих персиков, но вместо покоя он наткнулся на ярмарку глупого тщеславия.

Проводив кузена взглядом, Хан Минчжу повернулась к застывшей от ужаса Хан Цинсюэ и проговорила своим обычным, мягким и певучим голосом:

— Дела не ждут, старшая сестра. Боюсь, сегодня у меня не найдётся времени для неспешной беседы. Как освободишься — пошлешь служанку, погуляем в другой день.

С этими словами она изящно развернулась и поспешила следом за уходящим Хан Сиэнем.

Хан Цинсюэ осталась одна посреди осыпающихся лепестков, провожая их удаляющиеся спины взглядом, полным бессильной злобы.

Нагнав брата, Хан Минчжу негромко позвала его по имени. Юноша остановился и обернулся. Из-за быстрого бега щеки девушки покрылись нежным румянцем, а в золотистых лучах солнца её хрупкий силуэт казался почти невесомым и сказочно прекрасным.

Встретившись с ним взглядом, она робко, чуть слышно произнесла:

— Брат, скоро день рождения нашей бабушки, старой госпожи Ван. Она совсем недавно вернулась в столицу с дальних рубежей, здоровье её совсем пошатнулось, и она денно и ночью тоскует о тебе. К тому же ты до сих пор не знаком с дядей и тётей из поместья маркиза Цзинго. Если у тебя найдётся свободная минута, не согласишься ли ты встретиться с ними?

Хан Сиэнь пропускал её речи мимо ушей — его внимание было приковано к невысказанным мыслям, роившимся в голове сестры. Нахмутив брови, он пытливо уставился на неё:

— Когда Хан Цинсюэ брызгала ядом, ты и бровью не повела. С чего бы такая невозмутимость

перед будущей княгиней? Неужели ты лелеешь надежду превзойти её в величии? Или кто-то уже успел нашептать тебе сладкие речи на ухо?

При этих словах лицо Хан Минчжу залил густой румянец, а мысли невольно обратились к тайным разговорам со старой госпожой Ван. Едва воротившись в столицу, бабушка тут же принялась радеть о её замужестве. И пусть устраивать судьбу внучки силами материнской родни считалось делом предосудительным, к счастью, её брак более не зависел от воли подлых Хань.

Проведав, что Хань замышляют использовать Хан Минчжу как разменную монету в своих грязных играх, старая госпожа Ван пришла в ярость и решила ускорить помолвку. Но сколько бы она ни перебирала столичных женихов, её собственные внуки казались ей слишком никчёмными, чтобы составить достойную партию для Минчжу. Перебрав все варианты, бабушка всем сердцем пожелала свести внучку со своим вторым внуком — принцем Цзи Ло.

Конечно, в глазах умудрённой опытом старухи брак с императорским отпрыском не казался великим счастьем — слишком много опасностей таил в себе дворец. Но Цзи Ло приходился ей внуком по дочери, а Хан Минчжу — внучкой по сыну. Оба были её плотью и кровью, а значит, их союз обещал быть крепким и искренним, защищённым родственным теплом.

Бабушка уже успела однажды осторожно намекнуть внучке на этот союз, но вдаваться в подробности не стала, заметив лишь, что такое дело требует тонкого расчёта и времени. Хан Минчжу была девушкоймышлёной и сразу разгадала замысел старухи. Ей уже доводилось встречать принца Цзи Ло в поместье герцога, и в глубине её души эта мысль не вызывала отторжения.

При этой мысли в глазах Хан Минчжу промелькнуло смущение. Потупившись, она едва слышно прошептала:

— Брат, мы ведь толкуем о поздравлении бабушки, к чему эти праздные разговоры? Разве прилично скромной девице думать о подобных глупостях?

Хан Сиэнь проигнорировал её девичье кокетство и лишь сухо отчеканил, словно вынес приговор:

— Мне нет дела до твоих мечтаний, но запомни раз и навсегда: к Цзи Ло даже не смей приближаться.

<http://bllate.org/book/20088/2002034>